

ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ М. Е. МАЛЫШЕВА

Предисловие и публикация Н. С. Дворцовой

Михаил Егорович Малышев (1852—1912) был одним из самых близких друзей Гаршина. Гаршин ценил в нем душевную деликатность, доброту и отзывчивость, развитой ум и преданность искусству. Их дружба продолжалась более 20 лет, и только трагическая смерть писателя оборвала ее.

Встретились они еще мальчиками в 7 Петербургской реальной гимназии, во второй класс которой Малышев поступил в 1865 г. (Гаршин учился там с 1864 г.). В гимназии Малышев оставался до 1871 г., а затем, движимый любовью к живописи, поступил в Академию художеств, где проучился пять лет¹. Тесная связь его с Гаршиным продолжалась и в эти годы, когда каждый из них выбрал свой путь в жизни. Через Малышева Гаршин, уже студент Горного института, сблизился с кружком молодых художников, учившихся в Академии, и «стал неперменным членом их собраний, названных «Пятницами». На этих собраниях «читались впервые некоторые из произведений» Гаршина. «Дружбу и симпатию к некоторым членам этого кружка он сохранил до самой своей смерти, и воспоминание о «Пятницах» всегда было одним из лучших его юношеских воспоминаний»². Общение с художниками, в частности с теми из них, которые заняли позднее видное место в кругу передвижников, нашло отражение в литературной деятельности Гаршина: здесь он нашел материал для рассказа «Художники» и научился понимать искусство, что способствовало его дальнейшим выступлениям в печати в качестве художественного критика.

Друзей объединял не только интерес к искусству и его современным задачам, но и сходные общественные настроения и симпатии. Оба они горячо сочувствовали обострившейся к середине 1870-х годов освободительной борьбе славянских народов против турецких поработителей. Летом 1876 г., когда Сербия вступила в войну с Турцией и в ней приняли участие многие русские добровольцы, Гаршин и Малышев обсуждали в письмах друг к другу вопрос о том, чтобы отправиться в Сербию и принять непосредственное участие в военных действиях. В августе 1876 г. Малышев писал Гаршину в ответ на (не сохранившееся) письмо последнего: «Насчет Сербии и я подумывал, да потом пришел к тому, что, если явлюсь туда, могу ли принести пользу-то, ведь таких, как мы, там много, туда надо офицеров, врачей, а не пушечного мяса, которое требует пищи, одежды, помещения лазаретов, докторов и денег в виде лекарьств и пр., вот что меня смущает, если будет у нас война, тут мы поговорим, а войны у нас ждут не дождутся все, даже простые мужички. Вчера я сидел в парке и читая газету. Вдруг ко мне подошел какой-то, как видно, отставной кавалер, рваненький довольно, и попросил сообщить о положении дел в Сербии. Он с таким вниманием, с таким сочувствием слушал мое чтение, что мне хотелось обнять его; в конце концов он заявил, что «надо помочь, свинство ждать столько времени и позволять делать мерзости, что Россия обязана помочь». Это глас народа, и рассказанный мною факт не единственный, даже в деревнях сборы в пользу славян делаются»³.

Эти стремления обоих друзей укрепились в 1877 г., после того как в войну с Турцией вступила Россия. Первым удалось осуществить свое намерение Гаршину: в начале мая он выехал вместе с В. Н. Афанасьевым в Кишинев, где они и добились (сначала неофициально, а затем и по всей форме) зачисления рядовыми в 138 пехотный Болховский полк⁴. В июле 1877 г. получил разрешение ехать в армию «охотником» и Малышев. Когда он, следуя «с командой» в полк, прибыл в августе в болгарский город Белу (ныне Бяла), он нашел здесь Гаршина, уже побывавшего в бою, получившего

В. М. ГАРШИН

Рисунок М. Е. Малышева
(тушь, перо). Около 1880 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

ca. 1880

В. М. Гаршин
рисунок М. Е. Малышева

ранение и помещенного в походный госпиталь. 23 августа 1877 г. Гаршин писал матери: «Третьего дня я был поражен и обрадован внезапным появлением Миши Малышева. Он поступил-таки охотником. Он «следовал» с командой от Фратешти сюда и далее в полк и, узнав, что я лежу здесь, прибежал. Очень мне было приятно поболтать часок с ним» (*Гаршин III*, с. 142).

Участие в русско-турецкой войне нашло отражение в творческой биографии обоих друзей. Гаршин, как известно, дебютировал в литературе рассказом «Четыре дня» (1878), а первым выступлением Малышева как художника была его картина «В Болгарии. Эпизод войны 1877—1878 годов», написанная в 1879 г. и тогда же приобретенная П. М. Третьяковым для его галереи⁵.

Малышев не обладал большим и самобытным художественным талантом, в истории русского искусства он не оставил глубокого следа. Но он был художником, неутомимо работавшим в области рисунка и живописи. В течение многих лет он сотрудничал в юмористических журналах «Стрекоза», «Осколки» и др. Гаршин несколько проницательно отзывался в письмах к матери о журнальных карикатурах своего приятеля, хотя и оправдывал его тем, что он вынужден был делать свои рисунки по темам, присланным из редакции, добавляя, что к его рисункам нередко придиралась цензура (см. *Гаршин III*, с. 174, 178)⁶.

Гораздо более сочувственно оценил Гаршин рисунок Малышева к поэме Некрасова «Мороз, Красный нос»: «Миша преуспевает решительно, и я убежден, что у него солидный талант. Написал он Дарью, знаете:

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

Вот эту самую штуку и изобразил. И как хорошо! Некрасова понял до тонкости» (письмо к матери от 6 марта 1875 г.— *Гаршин III*, с. 36).

Этот рисунок был, по-видимому, одним из первых опытов художника по созданию иллюстраций к произведениям русских писателей — в этой области он работал в даль-

нейшем наиболее плодотворно. Кроме Некрасова, он иллюстрировал Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Короленко и др.⁷

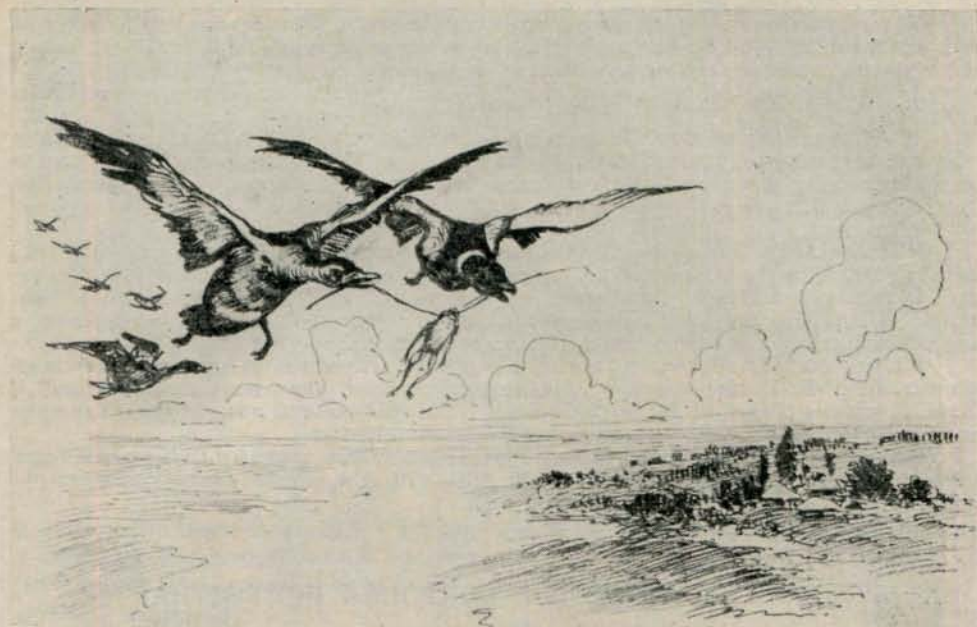
Малышев явился первым по времени иллюстратором Гаршина. Им были выполнены рисунки для народного издания рассказа «Четыре дня»; он иллюстрировал сказку «Лягушка-путешественница», рассказ «Медведи»⁸.

По своим художественным убеждениям Малышев был близок к передвижникам. В 1882 г. он был принят в число экспонентов X Передвижной выставки⁹. В последующие годы он не только выставлял свои картины и рисунки на передвижных выставках 1888—1892 гг. (см. *Гаршин III*, с. 574—575), но и принимал в качестве уполномоченного Товарищества участие в организации параллельных выставок в провинции. Верность идеям передвижников Малышев сохранил до конца жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, его статьи по общим вопросам искусства, которые он печатал в 1907—1909 гг. в журнале Петербургского общества архитекторов «Зодчий». В одной из них он писал, что деятельность передвижников «не прошла бесследно для русского искусства и их работа будет отмечена историей. Тесно сплотившись, они в течение более 25 лет настойчиво указывали в своих работах русскому обществу то, что в их убеждениях было самым существенным, самым дорогим»¹⁰. Опираясь на эти традиции, Малышев настаивал на необходимости «идейной художественной работы» в искусстве и на его демократизации, писал о слабости художественной критики, о недостатках в деятельности Академии художеств, привлекал внимание к вопросам художественного воспитания и образования¹¹.

В гаршинской биографической литературе хорошо известны воспоминания Малышева «О Всеволоде Гаршине», написанные под непосредственным впечатлением от трагической смерти писателя и напечатанные в сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889). С. Н. Дурылин, собиравший на рубеже 1910-х годов материалы для биографии Гаршина и встречавшийся с Малышевым, сообщал позднее о его воспоминаниях: «Написанные наспех, они не отражали и на четверть того, что знал о Гаршине Малышев. Художник дал мне слово написать о Гаршине большие воспоминания, но откладывал это из года в год»¹². Сожалея, что смерть помешала художнику выполнить это намерение, Дурылин писал далее: «Мне приходится довольствоваться немногими его сообщениями в дополнение к его печатным воспоминаниям»¹³. Однако биографу при этом осталось неизвестным, что через 20 лет после смерти Гаршина Малышевым был написан еще один мемуарный очерк, в котором освещался вопрос об отношении Гаршина к искусству. Эти, тоже весьма краткие, воспоминания были предназначены для вечера, посвященного 20-й годовщине со дня смерти Гаршина и состоявшегося в Петербурге 23 марта 1908 г.¹⁴ Тогда же Малышев напечатал их в журнале «Зодчий» (1908, № 14), где, однако, они прошли незамеченными и в дальнейшем никто из писавших о Гаршине, к ним не обращался¹⁵. Малышев рассказывает здесь об отношении Гаршина к русскому искусству и к художникам, о присущем ему глубоком понимании искусства, характеризует его как художественного критика, защищавшего принципы идейности, требовавшего от художников, чтобы они откликнулись «своими произведениями на все жгучие вопросы, захватившие его время и волнующие все сознающее и мыслящее». Написанные в напряженной полемической атмосфере художественной жизни начала XX в., эти воспоминания подчеркивали непреходящую ценность той эстетической программы, которую проводили в своей деятельности передвижники и Гаршин.

Воспоминания «Всеволод Гаршин в вопросах искусства» публикуются нами по беловому (с авторскими исправлениями) автографу, сохранившемуся в архиве Малышева, который поступил в 1972 г. в Отдел рукописей ГБЛ (ф. 218.1359.9, л. 1—8). Из зачеркнутых вариантов автографа воспроизводятся лишь немногие, наиболее значительные; мелкие же исправления стилистического характера в публикации не отражены.

Краткое описание других гаршинских материалов, находящихся в архиве Малышева, дано в приложении к настоящей публикации¹⁶.

«ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА»

Иллюстрация М. Е. Малышева к рассказу В. М. Гаршина

Тушь, перо, 1887

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О жизни и деятельности Малышева коротко рассказал недавно Е. Д. Петряев в статье «Папка старого художника» (Е. Д. Петряев. Люди, рукописи, книги. Литературные находки. Киров, 1970, с. 155—170). Здесь неточно сообщается, что Малышев «окончил реальное училище» (с. 157). В действительности он закончил только пять классов 7 реальной гимназии, которая в 1872 г. была преобразована в реальное училище. Заметим кстати, что Гаршин, закончивший курс в 1874 г., принадлежал к последнему выпуску по программе реальной гимназии (см.: Г. М. Князев. Исторический очерк С.-Петербургского первого реального училища. 1862—1912. СПб., 1912, с. 29—44, 50, 90, 150). Та же ошибка, что у Петряева, допущена в биографической справке о Малышеве (см.: *Гаршин III*, с. 574).

² М. Е. Малышев. О Всеволоде Гаршине.— В сб.: «Памяти В. М. Гаршина». СПб., 1889, с. 125.

³ ЦГАЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 5, л.

⁴ См. наст. том, с. 231, а также: С. К. Михеев. История 138 пехотного Болховского полка. М., 1903, с. 112 и 53. Малышев участвовал в военных действиях также в составе 138 Болховского полка.

⁵ Эта картина и сейчас находится в фондах ГТГ. См.: «Каталог живописи XVIII—XX вв. Государственной Третьяковской галереи». М., 1952, с. 269.

⁶ См.: М. Е. Малышев. Сборник карикатур. СПб., 1888. В архиве художника сохранился «Патриотический альбом», содержащий политические карикатуры, выполненные в 1905—1909 гг. Этот альбом заслуживает самостоятельного исследования.

⁷ См.: М. Е. Малышев. 120 рисунков к Лермонтову. Художественный альбом. СПб., изд. Ф. Ф. Павленкова, 1891; «Стихотворения А. В. Кольцова», под ред. П. В. Быкова. Изд. 2. СПб., 1895.

⁸ С. Дурыйли. Вс. М. Гаршин. Из записок биографа.— «Звенья», т. V. М.—Л., 1935, с. 573; журнал «Родник», 1887, № 7, с. 575, 579, 581; сб. «Памяти В. М. Гаршина», между с. 224 и 225 (Малышев был одним из организаторов этого сборника и принял большое участие в его художественном редактировании).

⁹ См.: «Протоколы общих собраний Товарищества Передвижных художественных выставок».— ГТГ, 69/10. Об этом поразившем его событии Малышев шутливо рассказал Гаршину в апрельском письме 1882 г. (приведено в статье Е. Д. Петряева, с. 160—161).

¹⁰ «Зодчий», 1908, № 7, с. 52. Статья «В единении сила (по вопросам художества)».

¹¹ Указываем статьи Малышева в журнале «Зодчий»: «По вопросу о художественной критике» (1907, № 1); «По вопросу об обучении рисованию» (1907, № 37); «Почему наши художественные выставки так серы, бесцветны и скучны» (1908, № 12); «По поводу реформ в деле русского искусства» (1908, № 33); «Наши живописцы-пейзажисты» (1908, № 36).

¹² С. Д у р ы л и н. Вс. М. Гаршин. — «Звенья», т. V, с. 573. Устные сообщения Малышева, дополняющие его ранние воспоминания, были записаны Дурылиным и использованы, в частности, при освещении эпизода о Гаршине и его посещении М. Т. Лорис-Меликова.

¹³ Там же.

¹⁴ Заметка об этом вечере была помещена в газете «Современное слово», СПб., 1908, № 166, 23 марта. В числе двадцати предполагавшихся участников вечера в газете были названы: Н. Ф. Анненский, А. И. Куприн, Малышев (с ошибкой в инициале), Н. А. Морозов, М. В. Новорусский и др. Отчета о состоявшемся вечере в петербургских газетах конца марта 1908 г. обнаружить не удалось.

¹⁵ Воспоминания «Всеволод Гаршин в вопросах искусства» не учтены в тщательно составленном Н. И. Мордовченко «Библиографическом указателе воспоминаний о В. М. Гаршине» (*Гаршин, III*, с. 534—542). В биографической литературе о Гаршине мы тоже не обнаружили о них никаких упоминаний.

¹⁶ Первые информация об этих материалах, не вполне точная в датировках, была дана в статье Е. Д. Петряева (с. 157—159, 161—170). См. также: «Записки отдела рукописей» ГБЛ, вып. 36. М., 1975, с. 80—82.

ВСЕВОЛОД ГАРШИН В ВОПРОСАХ ИСКУССТВА

24 марта 1888 г. не стало Всеволода Гаршина.

20 лет прошло с этого дня, а Гаршин-писатель не только не забыт, но становится день ото дня дороже сердцу всех, кто искренне любит и уважает родное искусство.

В наше эгоистичное время память о людях не переживает их долго и умирает почти вместе с ними, но Гаршин-человек так же жив в памяти тех, кого судьба столкнула с ним на жизненном пути, как и Гаршин-писатель, и трудно встретить человека, который обмолвился бы дурным словом об этом в высшей степени духовно чистом и хорошем истинном образе и подобии божием.

[Когда устроители настоящего вечера, всецело посвященного памяти покойного писателя, обратились ко мне с предложением поделиться с публикою воспоминаниями о дорогом друге, я не считал себя вправе отказать им, хотя и не привык выступать публично. Я полагаю, что если я и не скажу ничего такого, что бы не было уже сказано о Гаршине, все-таки публике, собравшейся почтить его память, будет приятно услышать новое доброе слово о любимом писателе из уст человека, близко его знавшего с детства.]

Поэтому я, близко знавший покойного с малых лет, позволяю себе, не затрагивая деятельность Гаршина как писателя, так как эта сторона освещена достаточно, и не говоря о нем как о человеке, так как и об этом достаточно сказано в его биографии и воспоминаниях о нем, как художник, остановить внимание читателя на его деятельности в сфере художества, на его отношении к русскому искусству и художникам.

За всю мою жизнь я не встречал человека, не исключая и господ художников, среди которых я живу с юных лет, кто бы так интересовался искусством, так пылко любил и так глубоко понимал его, как Гаршин, и должен сказать, что с его смертью художники потеряли истинного умного и сердечного друга и серьезного художественного критика.

Правда, не много напечатал он по вопросам художества, но те, кто близко знал Гаршина, кто слышал его живое, горячее слово по вопросам художества, кто посещал с ним художественные выставки, те, в особенности в наши дни, горько чувствуют всю глубину утраты его для художества;

«НАПАДАЮТ ВРАСПЛОХ»

Картина В. В. Верещагина (масло), 1871

Третьяковская галерея,

Москва

и хотя скромный Всеволод Гаршин сам и не доверял своим способностям в области художественной критики («какой же я критик», — говорил он частенько), но вернее и тоньше его нельзя было разобраться в художественных трудах.

Сам Гаршин не учился ни рисовать, ни писать красками, и те мелкие шалости его карандаша, которые сохранились, конечно, не дают права говорить о его художественно живописных способностях, но творить и понимать — дело совершенно различное.

Сколько можно указать художников, виртуозов техники, не понимающих ни значения, ни задач искусства, и, наоборот, кому не случалось встречать людей, не умеющих держать в руках карандаша, но глубоко понимающих и чувствующих искусство, тонко изучивших его и умеющих в нем серьезно разобраться. Вот к этим последним и можно причислить Всеволода Гаршина. Его сведения в вопросах искусства были очень обширны, художественно он был очень начитан, и этим можно объяснить отчасти, почему художники так любили и ценили Гаршина¹.

Его личные художественно-литературные труды, такие изящные и по идее и по форме, сами говорят ясно, что именно любил и ценил Гаршин в искусстве. Красота в высшем смысле слова, красота во всем, и внутренняя, и внешняя, по мнению В. Гаршина, являлась непрременным условием для того, чтобы произведение могло быть признано художественным.

Несмотря на то, что Всеволод Михайлович был знаком со всеми художниками и вхож в различные художественные кружки, он не принадлежал ни к какой партии в искусстве, и хотя тяготения его, как и всех интеллигентных людей того времени, были на стороне «передвижников», являвшихся тогда самым живым и свободным элементом в искусстве, но его сердцу были дороги и художники, не входившие в состав «товарищества передвижных выставок». Национальности в искусстве для Гаршина не существовало, и иностранные художники так же находили в нем друга, как и русские; не отрицал он, несмотря на царившую уже тогда моду, и старых мастеров и постоянно советовал молодым товарищам-художникам повнимательнее присматриваться к их произведениям и изучать их по-серьезнее.

Когда открылась первая Туркестанская выставка картин В. В. Верещагина, Гаршин [один из первых] был всецело захвачен ею и ходил сам не свой. «Вот это художник, это художник!..» — говорил он в волнении и со страстью и жаром защищал Верещагина от сыпавшихся на него со

всех сторон обвинений в нехудожественности взятых им на себя задач и неправильности его взглядов на искусство².

Под влиянием охватившего его чувства он, который очень редко прибегал к поэтической форме — стиху, написал большое стихотворение, посвященное этой выставке, которое напечатано в собрании его сочинений, но я позволю себе все-таки напомнить из него одно место, производившее особенное впечатление и выражавшее настроение Гаршина от выставки:

... Увидел смерть, услышал вопль людей,
 Измученных убийством, тьмой лишений...
 Не люди то, а только тени
 Отверженников родины своей.
 Ты предала их, мать! В глухой степи — одни,
 Без хлеба, без глотка воды гнилой,
 Иранены врагами, все они
 Готовы пасть, пожертвовать собой,
 Готовы биться до последней капли крови
 За родину, лишившую любви,
 Пославшую на смерть своих сынов...
 Кругом — песчаный ряд холмов,
 У их подножия — орда свирепая кольцом
 Объяла горсть героев. Нет пощады!
 К ним смерть стоит лицом!..
 Они ей рады:
 И, может быть, не стоит жить-страдать!..
 Плачь и молись, отчизна-мать!
 Молись, чтобы проклятия детей,
 Погибших за тебя в глухих песках степей,
 Не отозвались через много лет
 В годину поражения и бед.

Эти стихи [хотя и не были-тогда напечатаны], являвшиеся пророческими, ходили по рукам в списках и производили сильное впечатление³.

По мнению Гаршина, идеяность в искусстве не только не может служить обвинением художнику в тенденции, но является доказательством интеллигентности художника, который, живя жизнью страны, невольно откликается своими произведениями на все жгучие вопросы, захватившие его время и волнующие все сознающее и мыслящее.

Потому-то он и ставил очень высоко в искусстве покойного, не любимого художниками Ярошенко и был с ним близок, ближе, чем с другими художниками.

С тяжелым сердцем приходится констатировать факт, что художественная грамота далеко еще не захватила массы, что искусство стоит так еще далеко от жизни, что не редкость встретить вполне интеллигентного во всем другом человека, прогрессивного деятеля, спокойно и с сознанием своей правоты говорящего: «Я не хожу на выставки, некогда, есть дела поважнее!» И когда такой прогрессивный деятель становится во главе газеты или журнала, что может он сказать в нем об искусстве!.. И этот неважный, по его мнению, отдел поручает он первому, кто сумеет убедить его, художественно неграмотного, в своем праве на критику.

Что мои слова имеют серьезное основание, подтверждает уже тот факт, что громадное большинство русской интеллигенции не посещает совсем художественных выставок: из почти полуторамилионного населения Петербурга на выставках бывает тысяч 10, 15, а в Москве и провинции и того меньше. Русская интеллигенция настолько мало интересуется искусством, что у нас в России нет ни одного художественного журнала и изданий, если не считать технически хорошо издаваемый ультрадека-

дентский журнал «Золотое руно», и в вопросах искусства удовлетворяется вполне рекламно-репортерскими отчетами о выставках художественно неграмотных в большинстве господ, печатающих свои «непогрешимые мнения» по вопросам искусства в разных повременных изданиях.

Кто виноват в таком положении дела — вопрос другой и настолько серьезный, что может и должен служить темой отдельного доклада. По этому поводу мною были уже высказаны мысли в статье «По вопросу о художественной критике», напечатанной в № 1 журнала «Зодчий» за прошлый год. Но все же факт остается фактом, и его приходится признать и считаться с тем, что люди, не имеющие никаких прав и данных говорить об искусстве, являются в нем решающим голосом и пишут ему законы.

В русской художественной критике можно указать немного истинно прекрасных статей за последние годы; придется вспомнить покойных Крамского, Перова, пожалуй частью Стасова, но ведь это капля в море из всего того, что уже написано и еще пишется об искусстве, и потому-то, зная близко Гаршина, зная его тонкую и чуткую художественную натуру, зная его любовь и уважение к искусству и понимание его и его взгляды, я смело утверждаю, что его голос не молчал бы в наши дни, а раздавался бы громко в вопросах искусства, и его глубокие, полные правды и таланта статьи многим помогли бы разобратся в искусстве более сознательно, чем это делается теперь, а к стати поставили бы в надлежащие рамки и господ, именующих себя ныне художественными критиками и вершителями его судьбы.

Вот почему все искренне любящие искусство и близко знавшие Гаршина художники свято чтут и до наших дней память покойного писателя и глубоко скорбят об утрате этого так рано сошедшего с арены сильного борца за святое, чистое искусство.

М. М а л ы ш е в

Март 1908. Васильевский остров, 10 линия, 43, 45.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. Н. Дурьлин, ссылаясь на «рассказы покойного художника М. Малышева», сообщал, что к писанию статей о живописи принуждали Гаршина сами художники: «В их глазах он был таким идеальным зрителем, что они настоятельно желали, чтобы он стал их идеальным критиком» (С. Д у р ь л и н. Репиц и Гаршин. М., 1926, с. 26).

² Первая Туркестанская выставка картин В. В. Верещагина открылась в Петербурге в марте 1874 г. Подробное описание выставки, которая имела огромный успех и вызвала ожесточенные споры, было дано В. В. Стасовым в статье «Василий Васильевич Верещагин» (см.: В. В. Стасов. Избр. соч. в 3 томах, т. 2. М., 1952, с. 239—248).

³ Стихотворение «На первой выставке картин Верещагина» было написано Гаршиным весной 1874 г. как непосредственный отклик на выставку. При жизни Гаршина оно не печаталось; впервые было опубликовано в газете «День», СПб., 1888, № 39. Отрывок, приведенный Малышевым, выражает впечатление от диптиха «Нападают врасплох» (1871) и «Окружили, преследуют» (1872). Последние строки стихотворения в печатном тексте читаются несколько по-иному:

Молись! Стенания детей,
Погибших за тебя среди глухих степей,
Вспомнянутся чрез много лет,
В день грозных бед!

Не исключено, что Малышев располагал подлинным текстом стихотворения, в то время как в печати заключительные строки могли быть смягчены при первой публикации под давлением цензуры.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ГАРШИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ
В АРХИВЕ М. Е. МАЛЫШЕВА

1. «Художники». Беловой автограф рассказа (наборная рукопись) с исправлениями пензурного характера, а также со стилистической правкой. Публикуется в наст. томе, с. 181—197 (ГБЛ, ф. 218. 1359. 16, л. 1—11 *).

2. Стихотворения Гаршина в списках Малышева с воспроизведенной им подписью-монограммой Гаршина: «Злак благодатный...», «На лето 1871 года», «Отчего, скажи, мой милый друг...», «Нет, не дана мне власть над вами...», «На смерть Некрасова. 30 декабря 1877 г.»

Последнее стихотворение известно по черновому автографу ИРЛИ (см.: ЛН, т. 49-50, с. 636—637). По сравнению с этим опубликованным текстом копия Малышева содержит ряд разночтений:

НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

30 декабря 1877

Прощай, прощай, прощай! Не будет песен больше:

Певец умолк навек;

Быть может, он и мог бы петь их дольше,

Но он был человек,

И умер. Умерла в нем раньше правда жизни.

Пусть не подумает никто,

Чтоб пошлостью бесцельной укоризны

Хотел я имя то,

Что возбуждало в нас чистейшие порывы,

Позорить или запятнать.

Но были ли они в самом нем живы? —

Кто может то сказать?

Его могучий дух, его, быть может, гений

Царил всегда над ним самим,

Над пошлостью его пустых стремлений...

Он умер вместе с ним.

Плачь, русская земля! Не человека, силу

Похоронила ты навек...

Плачь, потому что гений шел в могилу,

Хоть умер — человек.

3. Рассказ «Надежда Николаевна», отиск из *РМ*, 1885, № 2, с. 353—368, и № 3, с. 224—261, с дарственной надписью: «Моему другу Мише Малышеву. 1885. В. Гаршин» (17).

4. Рассказ «Сказание о гордом Аггее», отиск из *РМ*, 1886, № 4, с. 225—233 (18).

5. 9 писем Гаршина к Малышеву, 1883—1887. Опубликованы в книге Е. Д. Петряева, с. 161—166, с неточностями в тексте и датировках. До сих пор не было известно ни одного письма Гаршина к Малышеву. Кроме этих девяти писем, существовали, несомненно, еще другие письма, судьба которых неизвестна; можно лишь предполагать, что по предсмертному желанию Гаршина они были уничтожены Малышевым (см. ниже пункт 9). Известно 27 писем Малышева к Гаршину: ИРЛИ, ф. 70, № 109 (23 письма, 1875—1884); ЦГАЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 5 (2 письма, 1876 и 1878); там же, оп. 2, ед. хр. 11 (2 письма, 1883 и 1886).

6. Рисунки Гаршина (карандаш): «Козы», с автографической подписью Гаршина и датой: 18 $\frac{5}{XI}$ 70 (см. наст. том, с. 235); «Мольберт», с подписью-монограммой Гаршина, без даты (20, л. 1—2).

* Ниже шифры даются сокращенно: указываются только номера единиц хранения и листы.

7. Портрет Гаршина. Рисунок Малышева (тушь, перо, карандаш). Внизу карандашом помета неустановленного лица: «Ок. 1880 г. Вс. Гаршин. Рис. М. Малышева». См. наст. том, с. 249 (3).

8. «Лягушка-путешественница». Три рисунка Малышева (тушь, перо). Представляют собой наброски и варианты иллюстраций к этой сказке в первой ее публикации: журнал «Родник», 1887, № 7. См. наст. том, с. 251 (4, л. 1—3).

9. «О Всеволоде Гаршине». Воспоминания Малышева, автограф. Опубликовано в сб.: «Памяти В. М. Гаршина», с. 124—130. Здесь текст напечатан с редакторскими изменениями (смягчены некоторые места, исправлен стиль) и сокращениями (опущено в начале обращение к редактору сборника Я. В. Абрамову, а в конце — отрывок, касающийся писем Гаршина). Приводим этот отрывок:

«Много писем осталось после Гаршина, но так как он неоднократно определенно высказывался по этому поводу, в особенности после появления в печати писем Тургенева, то я и считаю неудобным предавать их тиснению, чего Всеволод Михайлович страшно боялся.

«Дружище Мишунай,— говорил он незадолго до своей смерти,— если ты сохранил мои письма, прошу тебя, в случае моей смерти, не давай их для печати. Больше же всех, смотри, берегись Е., ты знаешь, что он будет очень рад заставить говорить о себе» (л. 13); Е.— это, конечно, Евгений, младший брат писателя (8, л. 1—14).

10. «Всеволод Гаршин в вопросах искусства». Воспоминания Малышева (9, л. 1—10).